

Гавришина Тамара Леонтьевна

БИНАРИЗМ КАК ДОМИНАНТА КЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье проводится историко-философская реконструкция основных доминант классической парадигмы рациональности. Особое внимание уделяется историческим модификациям бинаризма и вариантам его преодоления. Отмечается, что, возникнув первоначально в области этнографии, бинаризм становится предметом историко-философского анализа, а затем и основной чертой классической науки. Наиболее последовательно он воплощается в современных информационных технологиях, беспрецедентное и неконтролируемое развитие которых угрожает изменению сущности самого человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/10.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 49-53. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 101/14

Философские науки

В статье проводится историко-философская реконструкция основных доминант классической парадигмы рациональности. Особое внимание уделяется историческим модификациям бинаризма и вариантам его преодоления. Отмечается, что, возникнув первоначально в области этнографии, бинаризм становится предметом историко-философского анализа, а затем и основной чертой классической науки. Наиболее последовательно он воплощается в современных информационных технологиях, беспрецедентное и неконтролируемое развитие которых угрожает изменению сущности самого человека.

Ключевые слова и фразы: парадигма; бинаризм; классическая рациональность; субъект и объект познания; маскулинность; логоцентризм; деконструктивизм.

Тамара Леонтьевна Гавришина*Кафедра философии**Санкт-Петербургский университет экономики и финансов**gavrishina_tl@mail.ru***БИНАРИЗМ КАК ДОМИНАНТА КЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ[©]**

Длительное время проблема рациональности в историко-философской традиции присутствовала лишь косвенно. Однако с 60-х годов XX века она стала объектом многочисленных дискуссий не только в философских кругах, но и среди представителей самых различных областей знания. В значительной мере это связано как с особенностями развития современной техногенной цивилизации, так и с тенденцией пересмотра основ научной рациональности в работах постпозитивистов.

К XX столетию окончательно сложилось представление о том, что наиболее открыто и полно рациональное проявляется именно в науке. В связи с этим, английский философ В. Ньютон-Смит отмечал: «Образ, в котором научному сообществу нравится представлять себя и который фактически служит тем образом, в котором большинство из нас воспринимает это сообщество, - образ рациональности *par excellence*» [5, с. 246]. Таким образом, данный термин неправомерно сужался, отождествлялся с научной рациональностью; последняя рассматривалась в качестве системообразующего элемента европейской культуры и признавалась ответственной за все грехи современного общества.

Не случайно одним из широко обсуждаемых вопросов явилось определение значения понятия «рациональность». Дискуссии, однако, привели не к уточнению, а к еще большей неопределенности этого понятия и оснований его толкования. Различные авторы в зависимости от контекста рассмотрения понимают под рациональностью логичность, научность, экономичность, связность с ситуацией, мотивированность и т.д. В последнее время большинство ученых акцентируют свое внимание именно на типологизации последней, «пытаясь определить не столько, что такое рациональность сама по себе, сколько, что же такое “тип рациональности”, и каковы могут быть критерии той или иной ее типологизации» [4, с. 136]. В данном аспекте представляет интерес позиция В. П. Визгина, который рассматривает тип рациональности как целую духовную и интеллектуальную формацию, создающую предпосылки для специально-научных теорий, некоторые из которых могут выступать в истории в качестве куновских «парадигм» [1, с. 237].

В настоящее время к числу наиболее признанных и широко распространенных исторических типов рациональности можно отнести классический, неклассический и постнеклассический. Это известное различие было сформулировано В. С. Степиным, и его критерием можно назвать соотношение субъекта и объекта в познании. Так, классический тип рациональности, центрируя внимание на объекте, выносит за скобки все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Неклассическая рациональность учитывает соотношение между знанием об объекте и характером средств и операций деятельности, игнорируя по-прежнему связи с внутринаучными и культурными ценностями и целями. Наконец, постнеклассический тип рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью и концентрирует свое внимание на соотношении знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности. При этом следует отметить, что появление каждого нового типа рациональности не отбрасывает предыдущий, а только ограничивает сферу его действия [7, с. 633-635].

Классическая рациональность, возникшая в рамках метафизического мышления, исходила из основополагающих методологических принципов, которые на многие столетия определили развитие философского и научного знания. Метафизический тип мышления при всех его исторических модификациях исходил из ключевых установок, главными среди которых были: субстанциализм, бинаризм и фундаментализм – стремление к поиску абсолютных предельных оснований всего сущего (субстанции) и построению всеобъемлющей системы знаний, позволяющей объяснить мир в его единстве и целостности (эта тенденция обнаруживается, начиная с Платона вплоть до Гегеля); а также эссенциализм – отыскание сущности явлений за многообразием феноменального бытия и сакрализация теоретической, созерцательной позиции. Не менее важное концептуальное значение имело обнаруживающееся уже в античной традиции отождествление бытия и

мышления, представление о разумной упорядоченности мира, являющегося воплощением порядка и закономерности, способного к категориальному структурированию посредством логических понятий.

При этом следует иметь в виду, что любой тип рациональности как совокупности познавательных установок несет отпечаток того специфического мышления, в лоне которого он возникает и интенции которого выражает. Само понятие рациональности никоим образом не сводится к чисто формально-логическому анализу эпистемологических стратегий, обнаруживая связь с определенным идеалом истины и определенными мировоззренческими установками, представлениями не только о сущем, но и о должном. Выработка познавательных идеалов миропонимания в античной классике органически связана с формированием смыслозначимых установок, которые становятся основой для регуляции реального поведения людей. Рациональность опять-таки в отличие от ее позитивистской интерпретации никоим образом не является здесь этически нейтральной. И это не случайно, ведь иерархически устроенный гармоничный космос имеет единое ценностное начало, которое дифференцируется на Истину, Добро и Красоту.

Греческие теории не представляли ценности сами по себе, достаточно вспомнить тот факт, что формирование первых научных школ и традиций происходило или внутри, или в достаточно тесной связи с теми видами духовных практик, которые впоследствии противостояли самой науке. Так, основатель пифагорейского союза относится, прежде всего, к мистической традиции, а занятия математикой, философией, космологией практиковались в этой школе в качестве одного из средств очищения души с целью спасения от круговорота перерождений. Подчинение науки этическим и сакральным целям находит в дальнейшем свое выражение в концепции Платона, который рассматривал геометрию как пропедевтику мышления, условие для созерцания вневременных идей.

По сути, и мистические доктрины о соотношении вечности и времени получили обоснование в чистой математике, так как математические объекты (например, числа) являются вечными и вневременными. Отсюда же возникает и интерпретация этих вечных объектов как мыслей, содержащихся в разуме Бога. Поэтому математика длительное время рассматривалась как средство истолкования божественных истин. Особенно четко эта тенденция проявляется в Средние века, начиная с Августина. Именно в этот период язык математики практически полностью теряет свое самостоятельное значение и превращается в одну из модификаций всеобъемлющего языка христианской культуры. Чтение платоновских текстов привело Аврелия к пониманию того, что истина быстротекущих и изменчивых вещей находится не в них самих, а в их уподоблении вечным идеям Бога, среди которых важное место занимают идеи совершенства и числа. Отсюда выросло убеждение, что посюсторонний мир – это божественная книга, он выступает символом мира потустороннего, а задача «сакральной» арифметики сводилась к толкованию таинственных священных чисел.

Рост интереса к математике не иссяк и в конце XV века, когда, как принято считать, впервые началось истинно научное изучение природы путем экспериментальной проверки умозрительных гипотез. Одним из важнейших и имеющих далеко идущие последствия условием формирования новой науки было изменение оценки технического мастерства; снятие принципиальной грани между естественными, природными предметами и искусственной, человеческой деятельностью и ее продуктами. В методологическом отношении это означало, что человек может иметь достоверное знание лишь о тех объектах, которые он сам сконструировал. Конструктивизм Галилея предполагал, что любая наука о реальности (телесной или духовной) должна быть не простым зеркалом фактов, а основываться на воображении и в этом смысле не столь важно, идет ли речь о математическом треугольнике или поэтическом образе. Возможно, именно поэтому физика Галилея сложилась в образцовую науку, ставшую эталоном познания Нового времени. Новая наука отбрасывает не только господствующий в эту эпоху аристотелизм, но и близкий ей по духу ренессансный неоплатонизм и герметизм таких натурфилософов, как Дж. Бруно и Т. Кампанелла. В отличие от мистического неоплатонического восхождения к Единому и бесконечному для галилеевской физики была характерна ориентация на движение, основанное на теоретической идеализации, подкрепленной количественными методами и экспериментом. В результате Галилей явился отцом новоевропейской науки, соединившей математику и эксперимент. В его натурфилософии полностью исчезает качественное истолкование природы, в результате чего органистически-гиллозоистическая картина мира заменяется геометрически-механистической.

Именно в эпоху Ренессанса, а затем в период Реформации и Просвещения закладываются основания той системы базисных идей и ценностей, явившихся своеобразным генетическим кодом, «геномом» западноевропейской цивилизации, определившим пути ее дальнейшего развития.

Отказ от рассуждений, упоминающих о ценностях, совершенстве, гармонии и цели, составил конституирующую черту классической науки. Из нее исчезают формальные и конечные причины и остаются только действующие и материальные. Не случайно именно в этот период сформировалось механистическое миропонимание, изображавшее мир как огромный конгломерат взаимодействующих тел и объектов, в принципе лишенных признаков всякой одушевленности, внутренней активности, которое не могло вместить в себя образ человека как субъекта свободной воли, целелеполагания, самодетерминации. Таким образом, основная стратегия классической рациональности заключалась, прежде всего, в сведении к минимуму «субъективности», стремлении к обоснованию объективности и необходимости научного знания, идеалом которого выступала универсальная «калькулирующая» математика.

Исходя из этих предпосылок, принципы рационального высказывания должны сохранять свое значение в любую эпоху и в любом культурно-историческом пространстве. Изменчивость и вариабельность рассматривались как результат заблуждения разума, возникающего вследствие субъективных привнесений, «идолов» или «призраков» в терминологию Ф. Бэкона. Элиминация ценностных и исторических представлений

сопровождалась пониманием научной истины как вневременной и вечной. Сформировавшаяся в классическом естествознании картина мира предполагала наличие фиксированных, причинно-следственных связей, что делало возможным полное описание реальности и достоверное предсказание природных процессов. При этом конструктивно-манипулирующая деятельность исследователя объявлялась критерием истины, а сама научная рациональность превращалась в технологию овладения природой и ее подчинения.

В качестве наиболее значимых смысловых ориентиров выступал идеал деятельностного отношения человека к природе и понимания самой деятельности как процесса, направленного на преобразование внешнего мира и обеспечивающего власть над ним, восприятия природы как резервуара и материала для проявления активности познающего субъекта, идея прогресса и приоритета научной рациональности. В данном аспекте М. Фуко характеризовал новoeвропейскую цивилизацию, в том числе и современную, как инквизиторскую, поскольку с помощью накопленных средств как материальных, так и идеальных природа пытается, испытывается, искусно вопрошается, познается в воспроизводимом и математически оформленном эксперименте, производимом не только с вещами, но и с людьми.

Следует отметить, что постмодернисты (Ж. Деррида, Э. Джердайн, Л. Сиксус и т.д.) считали классический тип рациональности, возникший в недрах западноевропейской культуры, предельно бинаристским. Причем, бинарные отношения (субъект-объект, Запад-Восток, мужское-женское, внешнее-внутреннее и т.д.), с их точки зрения, характеризовались не мирным сосуществованием, а насильственной иерархией, в которой левосторонний термин претендует на привилегированное положение. Как известно, особой критике подверглось субъект-объектное противостояние, которое являлось основополагающим как для классической науки (с ее принципом все, к чему ни прикоснется научное познание, становится объектом), так и для классического философствования.

Парадоксально, но и один из основоположников «неклассического» варианта научной социологии Макс Вебер полагал, что если гуманитарная наука претендует на звание науки, то она должна удовлетворять требованию общезначимости, которое всегда выполняется естественными науками и выполняется именно потому, что в них познающий субъект находится всегда на дистанции по отношению к познаваемому предмету.

Следует отметить, что формирующаяся на наших глазах современная научная картина мира по-новому высвечивает образ природы и характер ее взаимоотношений с людьми. Кардинальная трансформация мышления состоит в переходе от традиционного техногенного понимания природы как механического конгломерата разнообразных объектов к рассмотрению ее как целостного живого самоорганизующегося организма, с которым можно экспериментировать лишь в определенных границах.

Интересно, что подобные идеи, характерные для западного мировоззрения на рубеже веков, гармонируют с традиционными космологическими концепциями Востока, в частности, с даосским принципом «у-вэй» (который буквально означает «не-деяние»), понимаемым не как отказ от действия, а как минимальное действие, согласованное с ритмами мира. В этом аспекте следует учитывать и достижения отечественной философии, связанной с учением русского космизма, попытавшегося синтезировать элементы двух противоположных подходов – западного и восточного – и использовать их возможности и идеи. Исходя из признания возрастающего влияния разумного начала на природные процессы, становящегося важным фактором их новой организации, представители русского космизма настаивали на сочетании рационального и нравственного начал, подчеркивая, что чисто технологическое отношение к природе имеет свои границы. С точки зрения рассматриваемой выше синергетической проблематики, важно отметить проводимую ими идею о необходимости формирования творческой личности, способной осуществлять выбор в ситуациях, когда невозможно однозначно предсказать и просчитать поведение систем в точках бифуркации. С этих позиций по-новому просматривается и проблема соотношения между истинностью и нравственностью, целерациональным и интуитивным действием, научным и вненаучным знанием, демаркация между которыми столь резко проводилась в западной и восточной традициях.

Западная философия рубежа веков по-новому высветила роль вненаучных факторов в познавательной деятельности, ее иррациональных моментов. В данном аспекте значение имело развитие герменевтического направления, которое, в отличие от сциентистского, показывало роль истолкования, интерпретации, включающей всю полноту духовно-творческих способностей человека: эстетических, этических, волевых. При этом, несомненно, привилегированное положение принадлежит искусству, ведь художественное знание обладает особыми, лишь ему присущими свойствами, составляет некое художественно-универсальное мировоззрение. В связи с этим заслуживает внимания и анализ так называемого «визионерского» сознания, особенно характерного для представителей искусства, которое, скорее, основано на интуиции и трансценденции, чем на расчете и аналитике, и выражается в богатых и многозначных символах, в противоположность формализованным знаковым системам точных наук.

На наш взгляд, трактовка познающего субъекта как носителя «чистого разума», лишенного ценностных характеристик, нанесла несомненный вред при изучении человека, общества и культуры. Прежде всего это связано с тем обстоятельством, что социокультурная реальность многоуровневая и многозначна, она образована как объективными связями и отношениями, так и взаимными интерпретациями этих отношений людьми. Субъект социогуманитарного познания неизбежно вовлечен в эти связи и интерпретации, сам является их носителем и создателем. Его «ангажированность» - не дефект, а необходимое условие познания. Фиксация событий, отделение существенного от несущественного немыслимо без определенной и тщательно от-refлектированной познавательной установки (метод «отнесения к ценности» Г. Риккерта).

В данном аспекте определенный теоретический интерес представляет особый «женский» взгляд на какой-либо вопрос. Женщина как субъект социального познания характеризуется совокупностью психологических и социокультурных качеств. Первые из них издавна привлекали философов и психологов (от В. В. Розанова до К. Хорни и др.), значимость вторых изучена меньше. Социокультурные качества субъекта познания формируются в процессе социализации личности, взаимодействуя и переплетаясь с психологическими свойствами пола. В любом обществе мальчиков и девочек готовят к освоению будущих взрослых социальных ролей, что предполагает принятие не только специфических ценностей, норм и алгоритмов поведения, но и связанных с ними способов интерпретации явлений, кодирования и декодирования информации.

Появившееся сравнительно недавно феминистское движение представляет собой нечто иное, как результат отразившегося протеста против социокультурной дискриминации женщин, их «угнетения» или «замалчивания достижений». Феминизм зачастую противопоставляет «женский» взгляд на вещи «мужскому», оценивая первый как более здравый, плодотворный, адекватный реальности и т.д. Трактую отношения полов в терминах борьбы, конкуренции, это движение превращает различие социокультурных характеристик женщин и мужчин в разновидность идеологического конфликта со всеми присущими ему негативными гносеологическими следствиями. Феминистская идеология деформирует познавательный процесс и его результаты едва ли в не меньшей степени, чем идеология классовая или национальная.

Действительная плодотворность включения «женской компоненты» в ткань социокультурного познания состоит в создании более сложной и многоплановой картины реальности, обращении исследовательского интереса к темам, в других условиях оказывающихся на периферии науки. «Общество глазами женщины» отличается от «общества глазами мужчины», в нем обнаруживаются новые, нетривиальные социокультурные коды и смыслы. По-видимому, здесь, как и во многих других научно-исследовательских ситуациях, речь идет о принципе дополнительности. Конкретизация его требований применительно к данному аспекту познания представляет, на наш взгляд, важную методологическую проблему.

В свете вышесказанного хотелось бы обратить внимание на постмодернистскую критику западной культуры, которую «идеологи» деконструктивизма объявляют не иначе как логоцентристской или маскулинной. Сама идея о патриархальности европейской культуры не является новой, ее затрагивали многие исследователи. Так, Хиггинс, анализируя истоки антропологической катастрофы, отмечает: «Капитализм и государственный капитализм... были созданы мужчинами по своему образу: мир дымящихся труб и пилонов, насосов и револьверов, пушек и ракет. В нем царит настойчивость, агрессивность, стремление к захвату и грубое выставление себя на показ» [9, с. 49].

При этом объяснительные модели могут быть, на взгляд автора, весьма экзотическими. Так, К. Хорни считала, что мужчина испытывает амбивалентный характер по отношению к такому феномену, как материнство. С одной стороны, даже убежденный женоненавистник чтит в женщине материнское начало – это представление связано с культом Девы; с другой – мужчина подвержен, с точки зрения основательницы женской психологии, сильной зависти, так как его участие в создании новой жизни весьма незначительно. Это обстоятельство является великим стимулом для создания того, чем мог бы мужчина гордиться. «Государство, религия, искусство и наука – в сущности, его творения, – подчеркивает Хорни, – да и вся наша культура носит отпечаток маскулинности» [10, с. 83].

Другое дело, пресловутая «женская логика», которая является обычной темой анекдотов, а иногда и далеко идущих выводов. На наш взгляд, логика или есть, или ее нет. Более того, самым совершенным ее носителем является на сегодняшний день не мужчина, а компьютер. Вот он-то не ангажирован, не подвержен эмоциональным всплескам и по определению не нарушит закона противоречия, так как запрограммирован в дихотомическом режиме.

Оставляя в стороне дискуссии о различии западной и восточной логик, следует заметить, что связь классической философии с классической наукой – это, прежде всего, связь с логикой, которая первоначально развивалась в составе самой философии. Достаточно вспомнить Парменида, явившегося изобретателем «логического пространства», которое может быть охарактеризовано посредством аксиоматики, основу которой составляют три логических принципа – тождества, исключенного третьего и противоречия. И, несмотря на то, что в своей развитой форме логическая аксиоматика возникает лишь на рубеже XVIII-XIX столетий, уже Зенон использовал эти принципы, ограничивая тем самым учение Парменида о едином бытии от пространства созерцания и физико-математического исчисления.

Именно логика обеспечила процедуры обобщения, классификации, измерения и сопоставления; и она же создала перспективные в методологическом отношении концепции общих понятий или категорий. В данном случае следует вспомнить имена Сократа, Платона и, конечно же, основателя традиционной логики – Аристотеля.

Как известно, софистической «гибкости» понятий Сократ противопоставил свой диалектический метод, который основывался на имплицитной предпосылке объективного существования интересубъективного истинного знания. Само признание диалогичности и процессуальности познавательной процедуры имело своей целью приближение человека к постижению сущности явлений. В исследовании понятия о предмете, которое должно завершиться его определением, Сократ в качестве необходимого условия рассуждения и мышления выдвигает свободу мышления от противоречия.

Особое влияние идеи Сократа оказали на Платона. Достаточно вспомнить, что в платоновской иерархии областей человеческого знания диалектика занимает наиглавнейшее место, являясь венцом всех наук. Будучи методом для достижения понятийного знания, диалектика Платона содержит в себе элементы логической индукции, подведение множественного под единое, различение понятий по признаку большей или меньшей их

общности, то есть движение от вида к роду. При этом диалектический метод был теснейшим образом связан с его учением об идеях. Согласно Платону, идеи образуют особый трансцендентный мир, представляя собой самобытные субстанции, которые постигаются при помощи диалектики и божественного вдохновения.

Однако и у Сократа, и у Платона «диалектика» вела к знанию достоверному; напротив, предмет аристотелевской «диалектики» – не сама истина, не соответствие знания его предмету, а только отсутствие формального противоречия между терминами обсуждаемого вопроса, а также между положениями, высказанными участниками спора. В данном аспекте Аристотель превзошел своего новоевропейского критика – Р. Декарта, который, как известно, писал в «Рассуждении о методе», что выделить из традиционной логики истинные и полезные правила столь же трудно, как получить статую Дианы или Минервы из мраморной глыбы, вдобавок еще и неотесанной [2, с. 79]. Речь идет о чрезвычайно важном вопросе теории познания и логики – вероятностном знании. По мнению Аристотеля, в ряде случаев и по ряду вопросов знание не может быть непрерываемым обладанием истины, а есть лишь знание вероятное. Оно предполагает свой, особый метод, который Стагирит назвал «диалектикой».

В подготовке нового этапа развития логики особенно велики заслуги Лейбница и Буля. Новоевропейский мыслитель мечтал о том, чтобы логика стала «искусством исчисления» и превратилась в «игру со знаками» по особым установленным правилам. Он надеялся на создание искусственного универсального языка со своим понятийным письмом, позволяющим алгоритмически решить любую задачу любой науки. В то же время само исчисление под названием «логической алгебры» было самостоятельно создано Булем в 1847 году. Эти идеи, а также критический пересмотр основ геометрии и арифметики, а потом механики и физики привели к созданию новой системы логики, получившей название математической. Применение символического метода дало замечательные результаты, правда оно не оправдало надежд на полную формализацию и алгоритмизацию мыслительных процессов, равно как и на устранение из математики парадоксов [3, с. 114].

Проведенный выше историко-философский анализ показывает, что хотя бинаризм характеризует духовный опыт человечества в целом, европейская традиция выражает этот опыт в наибольшей степени. Как подчеркивает М. С. Уваров, идея бинарности, дуальности является не только сферой этнографического или же историко-философского анализа, но и областью научного поиска [8, с. 54]. В данном аспекте следует заметить, что наиболее последовательно бинаризм воплощается в современных информационных технологиях, беспрецедентное и неконтролируемое развитие которых грозит изменению сущности самого человека. Ведь не секрет, что операционную систему некоторые ученые используют в качестве «рабочей модели» психики, навязывая субъекту ложный образ «Я». Кроме того, в эпоху господства автоматизированных систем, управляемых ЭВМ, до предела обостряется проблема соотношения техники и власти, нарастает стремление выстраивать отношения между людьми по «клавишно-кнопочным стандартам». Вновь становится актуальным технократический тезис Сен-Симона – «отношения между людьми должны выстраиваться по образцу отношений между вещами» [Цит. по: 6, с. 75].

Список литературы

1. Визгин В. П. Становление научной рациональности в химии // Рациональность на перепутье: в 2-х кн. М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 2. С. 205-246.
2. Декарт Р. Разыскание истины / пер. А. Гутермана, М. Позднева, Н. Сретенского, Г. Тынянского. СПб.: Азбука, 2000. 288 с.
3. Кольман Э., Зих О. Занимательная логика. М.: Наука, 1966. 127 с.
4. Леонтьева Е. Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция: учеб. пособие. М. - Воронеж: Издательство Московского психолого-социального института; Издательство НПО «МОДЭК», 2006. 256 с.
5. Ньютон-Смит В. Рациональность науки // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: учебная хрестоматия. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 1996. С. 205–246.
6. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. С. Уварова. СПб.: Алетей, 2000. 415 с.
7. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
8. Уваров М. С. Бинарный архетип. СПб.: БГТУ, 1996. 213 с.
9. Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 495 с.
10. Хорни К. Недоверие между полами // Хорни К. Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. Т. 1. С. 76–87.

BINARISM AS RATIONALITY CLASSICAL PARADIGM DOMINANT

Tamara Leont'evna Gavrishina
Department of Philosophy
St. Petersburg University of Economics and Finance
gavrishina_tl@mail.ru

The author presents the historical-philosophical reconstruction of the basic dominants of rationality classical paradigm, pays special attention to the historical modifications of binarism and the variants of its overcoming, notes that binarism, which initially emerged in the sphere of ethnography, becomes a subject of historical-philosophical analysis, and then the basic feature of classical science, and mentions that it is most consistently embodied in modern information technologies, which unprecedented and uncontrolled development threatens the change in the essence of the man himself.

Key words and phrases: paradigm; binarism; classical rationality; subject and object of cognition; masculinity; logocentrism; deconstruction.